

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Неизвестное прошлое

**XI ВСЕМИРНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС
(Брюссель, 1953)
В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ**

С.Н. КОРСАКОВ

На первом после Второй мировой войны Всемирном философском конгрессе, состоявшемся в 1948 г. в Амстердаме, делегации нашей страны не было. Произошло это потому, что директор Института философии АН СССР академик Г.Ф. Александров не пожелал ставить под удар свою карьеру в условиях «борьбы с космополитизмом», когда любые контакты с иностранцами, даже получившие предварительную санкцию партийных органов, были чреваты для советского гражданина непредсказуемыми последствиями вплоть до ареста и тюремного заключения. Г.Ф. Александров намеренно затянул решение вопроса об участии в Амстердамском конгрессе до того момента, когда решать его было уже слишком поздно. Но спустя четыре года вопрос об участии во Всемирном философском конгрессе встал вновь. Теперь речь шла о Конгрессе в столице Бельгии Брюсселе, намеченном на август 1953 г.

Брюссельский конгресс и советские философы

В конце 1952 г. Академия наук СССР получила приглашение от Оргкомитета Брюссельского конгресса направить на Конгресс делегацию советских философов. Главный ученый секретарь Президиума АН СССР А.В. Топчиев переслал приглашение в Институт философии АН СССР. На сей раз Г.Ф. Александров, чтобы не ехать на Конгресс, избрал тактику, противоположную той, которая им была применена в 1948 г. Вместо затягивания вопроса он решил отбросить возможность поездки сразу же и провести отказ от участия в Конгрессе через партийные инстанции. Такой выбор объясним, если учесть сгустившуюся идеологическую обстановку. То были не просто «заморозки», как после войны, а сильно покрепчавший «мороз», переходящий в нечто худшее. Духовная атмосфера страны была отравлена шпиономанией. Готовилось «дело врачей», о чем было официально объявлено в январе 1953 г.

Оно должно было служить прологом еще более грандиозных судебных процессов. В этих условиях можно было отказаться от участия в зарубежном научном форуме, не опасаясь обвинений в нежелании отстаивать учение марксизма-ленинизма перед лицом идеологического противника. Так Г.Ф. Александров и поступил.

Он направил на имя А.В. Топчиева развернутое обоснование отказа от поездки в Брюссель. Лексика записки Г.Ф. Александрова далека от академической и скорее напоминала обвинительное заключение по статье 58-й УК РСФСР. Но так тогда изъяснялись в пропагандистских и идеологических текстах. В документе Г.Ф. Александров писал, что, «рассмотрев все материалы, относящиеся к созыву» Конгресса в Брюсселе, Институт философии АН СССР «пришел к заключению о нецелесообразности участия советских философов в данном Конгрессе»¹. Как Г.Ф. Александров мотивировал этот вывод?

Во-первых, он утверждал, будто «опыт созыва предыдущих Конгрессов показывает, что каждый из них является сборищем наиболее оголтелых врагов материализма и Советского Союза. На Конгрессах преобладали открытые американские наемники в социологии и философии, в том числе и прямые поджигатели войны вроде Рассела, Дево и других, призывавших начать атомную войну против Советского Союза. Ввиду этого советским философам нецелесообразно принимать участие в совместных заседаниях с такого рода лицами»².

Во-вторых, Г.Ф. Александров обращал внимание на состав Оргкомитета Конгресса, в котором преобладали неотомисты. Но то было естественным следствием значительного влияния, каким пользовались неотомисты в бельгийской философии. Ведь именно в Бельгии расположен такой влиятельный центр католической мысли как Лувенский университет. Предъявлять подобные претензии Оргкомитету данного Конгресса имело столько же смысла, как удивляться, почему организаторы какого-либо международного форума, созываемого в Москве, сплошь являются представителями марксизма. Но такая нелогичность не смущала Г.Ф. Александрова, который писал, что «руководители данного Конгресса являются неприкрытыми врагами Советского Союза и активными участниками буржуазной лжи и клеветы на марксизм»³.

В третьих, Г.Ф. Александров указывал на характер тем, предложенных для обсуждения на Конгрессе: «Сообразно составу Конгресса предполагается обсуждение весьма отвлеченных тем из области откровенной мистики и субъективно-идеалистического направления в философии. Обсуждать советским философам на такого рода Конгрессе религиозно-мистические вопросы нет никакого резона»⁴. И тут Г.Ф. Александров приводил примеры тем Брюссельского конгресса.

Примеры были взяты из присланного в Москву из Брюсселя информационного письма, но переводил это письмо человек, явно незнакомый с философией. Поэтому он перевел экзистенциалистскую тему «Познание Другого» как «Познание второго лица», а герменевтическую тему «Понимание» как «Объяснение». И все эти невежественные формулировки один к одному были воспроизведены в письме Г.Ф. Александрова! Но верхом безграмотности был буквальный перевод заглавия темы «Джордж Берклей», противоречащий принятой в современном русском языке транскрипции фамилии великого английского идеалиста. Ясно, что переводчик не знал не только английской философии, но даже того марксизма-ленинизма, который вдалбливался в системе политпросвещения. Ведь ни одна лекция по философии здесь не обходилась без ссылок на «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина, который в своем труде то и дело поминал Беркли. Но Г.Ф. Александров знал не только произведения Ленина, но и произведения Беркли, он вообще всю жизнь профессионально занимался историей философии. И тем не менее никаких исправлений в документ не внес и подписал его. Объяснить это можно только желанием, представив в неблагоприятном свете тематику Конгресса, способствовать принятию отрицательного решения относительно поездки советских философов в Брюссель.

Четвертая причина не ехать в Брюссель, выдвинутая Г.Ф. Александровым, была видимо, наиболее весомой для инстанций. Брюссельский конгресс нельзя было использовать в целях международной политической пропаганды, а потому он не представлял интереса для советского руководства. «Если даже наши люди выступят с другими темами по вопросам материализма, диалектики и критики мистицизма, — писал Г.Ф. Александров, — то эти выступления потонут в море идеалистических бредней, которыми, несомненно, будет заполнен весь Конгресс. К тому же, так как материалы Конгресса издаются весьма маленькими тиражами, рассчитывать на какую-либо значительную трибуну для пропаганды нашего мировоззрения не приходится. Убеждать же в истинности материализма отъявленных врагов диалектического материализма, которые соберутся на Конгресс, по вполне понятным причинам не представляется возможным»⁵.

«Именно по указанным выше мотивам советские философы не принимали участия в предыдущих Конгрессах», — заключал Г.Ф. Александров, оправдывая тем самым свою бездеятельность, приведшую к срыву поездки философов нашей страны на предыдущий Конгресс в Амстердам в 1948 г.

Развивая пропагандистскую линию своего письма, Г.Ф. Александров высказал в письме идею созыва в Москве «Международного съезда прогрессивных философов, активных борцов за ма-

териализм в науке», в котором могли бы принять участие философы Советского Союза, социалистических стран, а также прогрессивные деятели науки капиталистических стран.

Завершая записку, Г.Ф. Александров давал от имени Института философии обещание подготовить и опубликовать ряд статей в общественно-политической и философской прессе по окончании Брюссельского конгресса, в которых разоблачалась бы пропаганда мистицизма и религии XI Всемирным философским конгрессом. Обещание это не было сдержано. Ведь чтобы критиковать высказывания участников Конгресса, надо, по меньшей мере, на нем присутствовать. Если кто и мог бы дать критический анализ работ лувенских неотомистов, так это Б.Э. Быховский. Но прошли те времена, когда его в 1930-е гг. посылали в качестве неофициального «наблюдателя» от СССР на Всемирные философские конгрессы в Прагу и Париж. В 1944 г. он получил партийное взыскание «за грубые идейные ошибки, неверное толкование сущности немецкой классической философии» в т. III «Истории философии», где был одним из основных авторов, а потом попал под кампанию «борьбы с космополитизмом». Никаких публикаций о Конгрессе в советской философской печати не появилось.

После того, как позиция советских философов в отношении Брюссельского конгресса была сформулирована, требовалось провести решение этого вопроса через партийные органы. 10 марта 1953 г. Г.Ф. Александров направил заведующему Отделом философских и правовых наук ЦК КПСС Д.И. Чеснокову комплект документов по Брюссельскому конгрессу. В комплект входили цитированная выше докладная записка на имя А.В. Топчиева, справка о предыдущих Всемирных философских конгрессах и справка о составе Оргкомитета Брюссельского конгресса.

Справка о предыдущих Конгрессах была не лишней, так как советские руководители, естественно, не имели понятия о сем предмете. Но и в таком чисто информационном документе проявилось чиновничье лицемерие. В № 3 журнала «Философские науки» за 2008 г. мы рассказали о том, как директору Института философии А.М. Деборину из-за интриг группы М.Б. Митина не удалось в 1930 г. направить на VII Всемирный философский конгресс в Лондон представительную советскую делегацию, и в Лондон поехали только И.К. Луппол и А.В. Луначарский. С тех пор Луначарский умер и был похоронен в Кремлевской стене, а Луппол приговорен к расстрелу и умер в тюрьме от голода. В справке же было сказано, что в этом Конгрессе «принимали участие представители Советского Союза (Луначарский)»⁶. Именно так: «представители» во множественном числе, а в скобках один Луначарский. И ни слова о том, почему состав делегации был столь малочисленным.

Справка о членах Оргкомитета Конгресса – типичный продукт советской бюрократической системы. Почтенные лувенские профессора и представить себе не могли, что на них составили «объективки» для ЦК как на каких-нибудь секретарей обкомов по идеологии. «Все члены Оргкомитета являются реакционерами-католиками, проповедниками средневековой схоластики (томисты)», – говорилось в справке⁷. Данные удалось собрать почти на всех за одним исключением, которое специально оговорил Г.Ф. Александров: «К сожалению, о Шарле Перельмане никаких сведений получить не удалось»⁸. И понятно почему. Опять напутал переводчик, поняв имя Хаим как Шарль. Философа же с таким именем в Брюсселе не было.

На имя Д.И. Чеснокова поступила также записка от А.В. Топчиева, полностью воспроизводящая текст известного уже нам письма Г.Ф. Александрова⁹.

Д.И. Чесноков сделал должные выводы и 16 марта 1953 г. направил докладную записку на имя секретаря ЦК КПСС М.А. Сусллова. В своей записке Д.И. Чесноков повторял сформулированные Г.Ф. Александровым аргументы о нецелесообразности участия в Конгрессе, в котором, «по-видимому», будут участвовать «наиболее оголтелые враги материализма и ярые агенты американского империализма». Далее Чесноков пугал Сусллова составом членов Оргкомитета Конгресса, приводя их католические регалии и указывая на их членство в разного рода Папских академиях и теологических Обществах. С Перельманом же Чесноков решил вопрос просто. Сведений о нем нет, в католики его явно не запишешь, поэтому Чесноков написал, что «кроме того, в состав Оргкомитета входит сионист Перельман»¹⁰. Чесноков как раз в эти месяцы занимался пропагандистским обеспечением «дела врачей»¹¹, поэтому для него – раз Перельман, значит сионист. В конце следовал вывод: «Считаем, что Академия наук СССР и Институт философии АН СССР приняли правильное решение о нецелесообразности направлять советских философов на XI Всемирный философский конгресс»¹².

17 марта 1953 г. М.А. Суслов наложил резолюцию: «Согласен»¹³. Заместителю министра иностранных дел СССР Г.М. Пушкину было поручено сообщить об этом решении советскому послу в Польше А.А. Соболеву, с тем чтобы тот уже довел советский отрицательный ответ до сведения Оргкомитета Конгресса.

Отказ советских философов от участия в XI Всемирном философском конгрессе в Брюсселе предопределил неучастие наших ученых и во II Всемирном конгрессе социологов, состоявшемся с 24 августа по 1 сентября 1953 г. в бельгийском городе Льеже. 21 июля 1953 г. Отделение истории и философии АН СССР обратилось к Г.Ф. Александрову с просьбой дать заключение о целе-

сообразности участия в этом Конгрессе. В случае положительного решения ему предлагалось наметить предварительный состав делегации и мотивировать необходимость участия в Конгрессе¹⁴. К письму был приложен перевод Программы предстоящего социологического Конгресса. 27 июля 1953 г. Г.Ф. Александров дал отрицательное заключение относительно участия в этом Конгрессе и мотивировал его тем, что русский язык не является одним из официальных языков Конгресса, а также «неактуальностью тематики Конгресса, оторванной от насущных вопросов современной жизни и борьбы за мир во всем мире»¹⁵.

Оба эти предлога были надуманны и лицемерны. Всем, кто хоть сколько-нибудь знаком с практикой созыва Всемирных конгрессов известно, как трудно включить новый язык в Программу в качестве «языка Конгресса». В отношении Всемирных философских конгрессов это удалось сделать И.Т. Фролову только в ходе подготовки к XVIII Конгрессу в Брайтоне в 1988 г. Но перед этим советские философы уже тридцать лет принимали участие во Всемирных философских конгрессах, и, кроме того, во второй половине 1980-х гг. в период перестройки советская философия вызвала интерес во всем мире. На что же могла к 1953 г. рассчитывать страна, в течение четверти века демонстративно отказывавшаяся участвовать в международных форумах по социальным и гуманитарным наукам?

Что же касается тематики II Всемирного конгресса социологов, то превратить его в трибуну внешнеполитической пропаганды было действительно сложно — в Программе не за что было зацепиться. Какой доклад могли предложить советские ученые, скажем, в секции социальной стратификации и динамики, или в секции конфликтологии, или в секции профессиональной ответственности социологов, ведь тогда в СССР отвергалось само право социологии на существование? К тому же выступать нужно было только на английском или французском языках; исключений здесь не для кого не делалось. Кого же мог послать Институт философии на такой Конгресс в 1953 г.?

1953 год был последним годом «железного занавеса». Смерть Сталина все изменила, и уже в августе 1954 г. представительная советская делегация поехала в Цюрих на II Международный конгресс по философии науки.

На Конгрессе в Брюсселе

XI Всемирный философский конгресс состоялся в Брюсселе 20 — 26 августа 1953 г. Председателем Оргкомитета Конгресса был И. Барцин, ректор Брюссельского университета. В состав Оргкомитета входили профессора Брюссельского университета С. де Костер, Ж. Ламеер, Х. Перельман, профессора Лувенского уни-

верситета Л. де Реймекер, О. Мансион, А. де Вэлэнс, Х.Л. ван Бреда, Ж. Допп, профессор Льежского университета Ф. Дево, профессор Гентского университета Е. де Брюин.

Луи де Реймекер, священник и один из наиболее крупных бельгийских неотомистов, был председателем Философского общества в Лувене. Он был президентом Высшего института философии (Школы Фомы Аквинского) при Лувенском университете и главным редактором журнала «*Revue philosophique de Louvain*», издаваемого этим институтом. Он — ученик кардинала Д.Ж. Мерсье, основавшего в Лувене в 1888 г. Высший институт философии, а в 1894 г. журнал. Л. де Реймекер стал одним из организаторов «Ассоциации старых учеников Мерсье». Он — автор ряда работ, посвященных философским идеям кардинала Мерсье, в том числе статьи «Кардинал Мерсье и современная философия», опубликованной в августе 1951 г. в «*Revue générale de Belgique*». В октябре — ноябре 1951 г. Л. де Реймекер, О. Мансион и Х.Л. де Бреда входили в состав оргкомитета по празднованию 100-летия со дня рождения кардинала Мерсье. В августе 1952 г. Л. де Реймекер был назначен членом Высшего совета Лувенского католического университета. Он был членом Римской академии св. Фомы Аквинского и католической религии, почетным доктором Джорджтаунского университета в Вашингтоне.

Огюстен Мансион с 1909 г. был секретарем, а с 1949 г. вице-председателем Философского общества в Лувене. В 1919 — 1926 гг. он был секретарем редакции журнала «*Revue philosophique de Louvain*». С 1920 г. О. Мансион — профессор Лувенского университета. Он был членом Общества св. Фомы в Париже. О. Мансион известен трудами по философии Аристотеля. В Высшем институте философии при Лувенском университете он читал курсы «История античной философии» и «Объяснения древних авторов».

Жозеф Допп был секретарем редакции журнала «*Revue philosophique de Louvain*». Х.Л. ван Бреда был экстраординарным профессором Лувенского университета, где читал курсы истории средневековой философии, космологии и критики науки. Он и А. де Вэлэнс состояли членами Европейского общества культуры (штаб-квартира в Венеции).

Хаим Перельман в 1944 г. стал профессором логики и метафизики в Свободном университете в Брюсселе. Он был также деканом факультета философии и литературы и директором Педагогической школы. Многие из его ранних произведений посвящены математической логике. Особенно много внимания он уделял понятию справедливости и формам дискурсивного мышления, отличным от дедуктивного. Х. Перельман был президентом Бельгийского философского общества и Бельгийского общества логики и философии науки¹⁶.

На Брюссельском конгрессе были предложены такие темы для обсуждения, как:

- *Познание Другого,*
- *Понимание,*
- *Нематериальность истории,*
- *Основа и предел авторитета.*

Специальное заседание было посвящено 200-летию со дня смерти Джорджа Беркли.

Особенно активными на Конгрессе были представители феноменологической философии: А. Бейер и Л. Ландгребе (ФРГ) и А. Сильва-Таруки (Австрия). Как и на предыдущих Конгрессах ярко проявили себя неопозитивисты. В Брюсселе выступили А. Дж. Айер, К. Р. Поппер¹⁷.

На Брюссельском конгрессе были предложены различные варианты обоснования науки: с позиций объективного идеализма (Исай) и неотомизма (Эби, Бринкман, ван Лаэр). На эти доклады позже обратил внимание Б. М. Кедров в своих исследованиях по проблеме классификации наук¹⁸. Б. М. Кедров отметил чрезмерность теологических моментов в классификации наук Эби, в которой «полнота жизни, святость» как конечная цель существования человека венчает «естественную систему наук». Такую же искусственную и скрытую теологизацию классификации наук Б. М. Кедров обнаружил у ван Лаэра, который подразделял науки по их «материальному» и формальному объектам, причем в первый включал Бога в качестве особого предмета¹⁹.

На Брюссельском конгрессе было принято решение проводить Всемирные философские конгрессы регулярно раз в 5 лет. Генеральным секретарем Международной федерации философских обществ был избран Х. Перельман.

Примечания

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. Оп. 133. Д. 290. – Л. 122.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. – Л. 122 – 123.

⁵ Там же. – Л. 123.

⁶ Там же. – Л. 125.

⁷ См. там же. – Л. 128.

⁸ Там же. – Л. 121.

⁹ См. там же. – Л. 130 – 131.

¹⁰ Там же. – Л. 129.

¹¹ См.: *Костырченко Г.* Тайная политика Сталина. – М., 2003.

¹² Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. Оп. 133. Д. 290. – Л. 129.

¹³ См. там же.

¹⁴ См.: Архив РАН. – Ф. 1922. Оп. 1. Д. 590. XI – Л. 1.

¹⁵ Там же. – Л. 2.

¹⁶ См.: Краткая еврейская энциклопедия. Дополнительные тома. Т. 3. – Иерусалим, 2003. – Ст. 386.

¹⁷ См.: *Старостин Б.А.* Философские конгрессы // Большая советская энциклопедия. – М., 1977. Т. 27. – С. 421.

¹⁸ См.: Actes du 11-me Congrès Internationale de Philosophie. Bruxelles, 20 – 26 août 1953. V. 2. – Amsterdam; Louvain, 1953.

¹⁹ См.: *Кедров Б.М.* Классификация наук // Философская энциклопедия. – М., 1964. Т. 3. – С. 581.